
ПЛАТОНИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О «БРАЧНОМ ЧИСЛЕ» И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ МАРСИЛИО ФИЧИНО*

И.Г. Гурьянов

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
НИУ ВШЭ

ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

В статье рассматривается учение о «брачном числе», получившее большое распространение в платонической философской традиции, его истоки и рецепция. Показывается, что виднейший представитель флорентийского платонизма Марсилио Фичино (1433—1499), используя доступные ему экзегетические средства, согласует его с вполне конвенциональными для своего времени идеями об устройстве космоса и человека.

Ключевые слова: неоплатонизм, платон, марсилио фичино, *prisca teologia* (древняя теология), брачное число.

Представление об идеальном общественном устройстве, явно артикулированное в диалоге Платона «Государство», оказало сильнейшее влияние на последующую традицию политической мысли, прежде всего в связи с вопросами, как именно такое общество может быть устроено и что приводит к его гибели. Платоническая философская традиция в лице таких своих представителей, как Плутарх, Никомач Герасский, Ямвлих и Боэций, пошла по пути «евгенического» понимания совершенного общества: добродетельные граждане должны не только культивировать определенные интеллектуальные и физические занятия, но и зачинать потомство лишь в определенное время по решению мудрецов — хотя исследователи спорят, насколько буквально следует понимать их суждения [9. Р. 407—420]. Несоблюдение же «брачного числа» ведет к гибели такого государства. Платоническое понимание «брачного числа» основывалось не только на отдельных достаточно кратких замечаниях Сократа в диалоге «Государство», но и на более широком понимании способов познания мира через число: так, например, в диалоге «Послезаконие», приписываемом самому Платону, высшая мудрость о подлинно существе отождествлялась с наукой о числе. Доксографическое свидетельство, что вход в Академию венчала надпись *ἀγεωμέτρητος μηδεὶς εἰσὶτω* (не геометр да не войдет) самым наглядным образом иллюстрирует отношение к математике в платонической традиции [12. Р. 103—202]. Соответственно, философы-платоники в своих сочинениях предлагали различные подходы к вычислению «брачного числа» [9. Р. 407—420]. Альтернативный этой политической и философской традиции взгляд опирался на сочинения Аристотеля, критиковавшего Платона за то, что он отождествлял число с чистыми умопостигаемыми формами, образующими горний план мироздания, а также платоновое понимание идеального государства [15]. Виднейший представитель флорентийского неоплатонизма Марсилио Фичино

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 13-05-0037 «Политическое измерение нелегитимного аргумента в науках о языке и тексте» при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г.

(1433—1499) хорошо знал обе названные традиции [16. Р. 179—202]. В своем предисловии (*argumentum*) к восьмой книге диалога Платона «Государство» (1) и комментариям к ней, а также в трактате «*De Numero Fatali*» (О гибельном числе) он, используя доступные ему экзегетические средства, стремится согласовать их между собой, а также связать с идеей об астрологических влияниях, исходящих от различных планет и действующих на человека посредством духа (*spiritus*) (2). В настоящей статье будет рассмотрено предисловие Фичино к восьмой книге диалога «Государство», поясняющее понимание флорентийцем «брачного числа».

Интеллектуальная деятельность Марсилио Фичино, протекавшая преимущественно во Флоренции и ее ближайших окрестностях, полностью охватывает вторую половину XV в., а его творческое наследие весьма обширно. Однако хронологическое изложение жизни мыслителя нельзя признать удачным подступом к пониманию его творчества, так как ее событийная составляющая являлась постоянным объектом рефлексии и фальсификации со стороны самого Фичино и его ближайшего окружения. Ю.В. Иванова даже назвала эту криптобиографию флорентийца произведением «наиболее совершенным из тех, что более или менее самостоятельно создал Марсилио Фичино» [2. С. 367]. В истории европейской мысли раннего Нового времени он известен прежде всего как создатель масштабной историософской концепции в духе «*prisca theologia*» («древней теологии»). Именно под эгидой этого учения он осуществил большой переводческий и издательский проект, введя в европейский интеллектуальный обиход целый ряд сочинений античных и эллинистических авторов. В том числе он осуществил перевод с греческого на латинский язык полного корпуса сочинений Платона (включая сочинения, приписываемые ему), Плотина, Ямвлиха, Прокла, тексты Герметического корпуса и написал к ним комментарии. Столь масштабная деятельность была бы невозможна, если бы флорентиец не заручился дружбой и поддержкой наиболее влиятельных политических и интеллектуальных фигур своего времени, таких, например, как представители семейства Медичи или Джованни Пико делла Мирандола.

В целом, исследование философского наследия Марсилио Фичино в духе истории идей создали ему в академическом сообществе репутацию синкретического мыслителя, осуществившего не вполне органичный синтез платонизма, христианства и магического оккультизма.

Сложности с систематическим представлением философии Фичино связаны, с одной стороны, с размерами корпуса его текстов (ведь в него входят переводы и комментарии к виднейшим философам античности), а с другой стороны, с манерой письма, актуализирующий разные жанровые каноны даже в рамках одного произведения. Приведем только один пример: в латинском трактате «О жизни» (1489) флорентиец сочетает элементы медицинского руководства с диетологическими указаниями и рецептами лекарств, историю античных магических верований, вымышленные речи, вроде той, что Сократ произносит в диалоге Платона «Пир» от имени жрицы Диотимы, комментариев к одной из книг «Эннеад» Плотина, с техническими терминами астрологии и схоластической космографии [11].

Именно этот трактат стал в конце XV—XVI вв. настоящим бестселлером в Европе, если судить по количеству изданий и переводов на народные языки, и оказал большое влияние на таких мыслителей, как Парацельс, Роберт Бертон, Жак Лефевр д'Этапль. В том или ином виде проделанная Фичино работа была востребована вплоть до XIX в.: так, например, в годы ученичества Шеллинг обращался к его латинскому переводу диалога «Тимей» Платона, даже имея под рукой древнегреческий текст, как к вполне авторитетному источнику для понимания афинца [18]. Все это позволяет охарактеризовать Фичино как мыслителя, прочно вписанного в философский канон интеллектуальной истории Европы, хотя и не занимающего там центрального места, и ставит перед исследователями задачу более глубокого понимания систематической взаимосвязи его идей и отдельных учений.

Текстовое основание для связи числового умозрения и идеального устройства общества находятся в начале восьмой книги диалога Платона «Государство» (546a—547a): «Трудно пошатнуть государство, устроенное подобным образом. Однако раз всему, что возникло, бывает конец (*corruptioni*), то даже и такой строй не сохранится вечно, но подвергнется разрушению (*solvetur*). Означать же это будет следующее: урожай и неурожай бывает не только на то, что произрастает из земли, но и на то, что на ней обитает, — на души и на тела, всякий раз как круговращение приводит к полному завершению определенного цикла (*quando conversiones singulis circulorum coniunxerint ambitus*): у недолговечных существ этот цикл краток, у долговечных — наоборот. Хотя и мудры те, кого вы воспитали как руководителей государства, однако и они ничуть не больше других людей будут способны установить путем рассуждения, основанного на ощущении, наилучшую пору плодоношения и, напротив, время бесплодия для вашего рода: этого им не постичь, и они станут рожать детей в неурочное время. Для божественного потомства существует кругооборот, охватываемый **совершенным числом (*numerus perfectus*)**, а для человеческого есть число, в котором — первом из всех — возведение в квадратные и кубические степени, содержащие три промежутка и четыре предела (уподобление, неуподобление, рост и убыль) делает все соизмеримым и выразимым... Все в целом это **число геометрическое**, и оно имеет решающее значение для лучшего или худшего качества рождений (*Universus autem iste numerus geometricus talem auctoritatem habens ad potioem deteriolemque generationem vim habet*)» (3). В других сочинениях Платона тоже говорится об управлении деторождением (Тимей, 18d–19a; Законы, 771d—775e, 783d) как условии существования совершенного государственного устройства, однако «брачное число» им прямо не упоминается. Важно отметить, что в диалоге «Государство» приведенный выше фрагмент представляет собой вымышленную «шутливую» и «поддразнивающую» речь Муз, подобную той, что Сократ вкладывает в уста жрицы Диотимы в диалоге «Пир», но с еще более выраженным травестированием профетического языка.

О темноте данного фрагмента у Платона говорили многие античные авторы, в частности для Цицерон это общее место, подлежащее даже ироническому обыгрыванию (Att. VII, 13). Т.Ю. Бородай отмечает, что в диалогах Платона почти

невозможно провести четкую границу между буквальным и иносказательным [1. С. 11].

Но именно противоречия, высказанные Платоном, оказались наиболее продуктивными для герменевтических новаций последующей философской традиции.

Исследователь указывает две позиции в понимании «темноты» высказываний Платона, сформулированные уже в эпоху эллинизма. С одной стороны, такие авторы, как Плотин и Диоген Лаэртский, считали, что Платон намеренно писал непонятно, чтобы оградить сокровенное ядро своей философской мудрости от непосвященных. Другая точка зрения, не противоречащая первой, акцентирует боговдохновенную природу платоновских текстов в том смысле, в каком сам Платон определял «состояние одержимости божеством». Вдохновенный поэт или пророк является лишь медиумом, изрекающим божественные глаголы; поэтому поэзия и пророчества (и приравненные к ним фрагменты платоновских диалогов) нуждаются в толковании. Общим для обеих позиций является безусловное доверие к структуре и отдельным составляющим произведений Платона (или произведений, приписываемых ему). Именно в этой традиции, как полагают некоторые исследователи, Фичино нашел неиссякаемый источник аргументации для своего понимания «подлинного» содержания учения Платона [20. Р. 97—109]. Образный потенциал платоновского языка, тем не менее, не противоречит поиску текстологических оснований для приписывания философу той или иной «подлинной» позиции. Существенной является именно убежденность толкователя в наличии внутренне непротиворечивой системы взглядов, стоящей за имеющимися текстами, что прямо подтверждалось многочисленными свидетельствами о существовании «неписанного учения» (*ἄγραφα δόγματα*) Платона [3].

С.В. Месяц отмечает, что стремление увидеть за образным платоновским языком фигуру отождествления умопостигаемых сущностей с каким-либо родом материальных явлений появилось уже у первого поколения интерпретаторов платоновых диалогов [3. С. 57—58]. Однако подобное прочтение могло вписываться в различные контексты в зависимости от целей интерпретатора. Так, например, в дошедших до нас свидетельствах о «неписанном учении» Платона основанием для уподобления чисел идеям может служить то положение, что те и другие являются началами: числа — геометрических фигур, идеи — причастных им вещей. Аристотель и некоторые следующие ему комментаторы толкуют соответствующие утверждения в том смысле, будто Платон учил, что «числа и есть эйдосы вещей».

Допуская возможность отождествления умопостигаемых сущностей с математической «материальностью», Аристотель логически «доставляет» учение, что сам по себе человек может быть определенным числом, которое и критикует в XIII книге *Метафизики* (1084a12-15). В случае же с политическими идеями Платона числовое умозрение оказывалось в одном ряду с критикуемыми Стагиритом положением об общности жен и имущества, явно артикулированным в начале восьмой книги диалога «Государства» (543a-d). Во второй книге «Политики» (1260b27-36) Аристотель пишет, что то, что Сократ называет благом для государ-

ства: лучше всего для всякого государства, чтобы оно по мере возможности представляло собой единство — в действительности ведет к его гибели. Он уличает героя диалога Платона в софистическом использовании слова «все» в требовании общности жен, детей и имущества, а также указывает на невозможность скрыть физическое сходство между кровными родственниками, какое может стать основанием для выстраивания новых семейных связей, разрушающих единство идеального общества.

В пятой книге «Политики» (1316a1-b26) Стагирит пишет, что, согласно речам Сократа, в диалоге «Государство» вообще нет ничего неизменного, но все изменяется в течение определенного периода, поэтому наилучшее государственное устройство с неизбежностью сменится худшим, пока тирания вновь не сменится наилучшим правлением. Такое понимание непрерывности и цикличности общественной жизни не соответствует известной истории, ведь и демократии часто становятся олигархиями, а тирании могут сменять друг друга.

Аристотель воспроизводит расчеты «брачного числа», вложенные Сократом в уста Муз, и признает, что в определенный момент могут родиться люди, которых воспитание бессильно сделать благородными людьми. Но Стагирит говорит, что эту причину изменений Сократ приписывает одному лишь наилучшему государству, а для описания переходов олигархии в демократию и демократии в тиранию использует причины другого порядка. Тем самым идеи Платона об общественном устройстве объявляются неясными и запутанными. Общее состояние интеллектуальной культуры Кваттроченто располагало к тому, что гуманистически ориентированные авторы первоначально знакомились с критикой политических идей Платона в сочинениях Аристотеля, как это, например, было с первым переводчиком диалога «Государство» на латынь Пьером Кандидо Дечембрио (1399—1477) [6. Р. 265—266].

Существуют текстологические исследования различных версий диалога Платона «Государство» и их переводов на протяжении европейской интеллектуальной истории [6. Р. 265—266]. В них убедительно доказывается, что Фичино пользовался различными рукописями диалога, восходящими к разным древнегреческим протографам, и, естественно, отличающимися от современного критического издания [6. Р. 270—278; 5. Р. 255]. Как отметил еще филолог Отто Иммиш, флорентийский мыслитель при выполнении перевода полного собрания сочинений Платона (*Platonis Opera Omnia*) «не направляется подлинностью одной единственной Платоновой рукописи» (*non ad unius libri manuscripti fidem Platonica convertit*), но многократно «поправлял» (*emendare*) смысл греческого текста в своем переводе, отчасти по собственному разумению, отчасти выбирая между доступными ему в платонической традиции разночтениями [14. Р. 14].

В исследовательской литературе общепринятым является мнение, впервые сформулированное П.О. Кристеллером, что фичиновы переводы полного собрания сочинений Платона прошли несколько редакций: первая была завершена уже к 1469 г. [21. Р. 158—160]. Следующий раз к этому же корпусу он приступил после 1474 г. и работал над ним вплоть до первой его публикации в 1484 г., которой он

остался крайне недоволен в силу большого количества ошибок. Хотя ко второму тому был приложен лист исправлений (*Emendationes*), только в венецианском издании полного собрания сочинений Платона 1491 г. удалось устранить ошибки в самом тексте переводов и комментариев, поэтому к настоящему моменту именно оно считается у исследователей наследия флорентийца наиболее надежным источником для реконструкции его идей.

В предисловии (*argumentum*) Фичино к восьмой книге диалога «Государства» начинается с утверждения, что Сократ уже описал «совершенную форму правления» (*perfectam rei publicae formam*) в седьмой книге, которое подкрепляется нумерологическим замечанием, что семерка есть число, посвященное Палладе. Очевидно, что богиня в данном случае выступает персонификацией мудрости, связь же ее с числом семь возводилась к пифагорейской традиции: например, об этом пишет Плутарх в «Об Изиде и Осирисе» (10) и Макробий в «Комментарии на „Сон Сципиона“» (1.6.13).

Как бы парафразируя Платона, такое правление Фичино называет, с одной стороны, монархическим (*regiam*), а с другой стороны — аристократическим (*optimatum*), и дает обоснование подобной двойственности, отличное от того, какое можно найти в диалоге. Так, например, единоличное правление он связывает с «единством всеобщей воли к общественному благу» (*una omnium ad publicum bonum est voluntas*) и единым же умом (*mens*), выступающем на уровне микрокосма аналогом правителя; аристократическое же правление, по Фичино, хорошо учреждением сената. Далее он говорит, что Сократ перечисляет четыре формы правления по мере их удаления от совершенного. Наилучшее правление вырождается в честолюбивое (*ambitiosam*), от него происходит правление немногих (*paucorum*), далее следует демократическое (*popularem*), от которого развивается тираническое правление (*tyrannidem*).

Далее, вполне следуя тексту Платона, Фичино коротко описывает соответствие между пятью формами правления и типами устройства души, ведь «формы правления возникают от душевных форм» (*rerum publicarum formae a formis proveniunt animorum*). При этом форма души характеризуется через настроение (*affectus*) и характер (*habitus*) (4). Согласно Фичино, из всего сказанного явствует, как губительна несправедливость для государства и души и как благотворна для них справедливость (*iustitia*). Он пишет, что Сократ с удивительной тщательностью объясняет, как одни формы души и правления сменяются другими прежде всего как блаженное (*beatae rei publicae*), или же золотое правление переходит в честолюбивое, то есть серебряное, или же железное — это соответствует содержанию диалога уже после замечания о брачном числе и способах его расчета (Государство, 547a-c). В предисловии только после этого говорится, что Сократ, будто обращаясь от небесных высот, представляет себе (*figit*) прорицание Муз: при этом Фичино риторически обыгрывает его неясность с помощью смысловой пары *effundo* — *confundo* (изливать — смешивать). Он пишет: «В самом деле, если блаженное правление в силу собственной ущербности не может склониться к худшему правления и все-таки когда-нибудь к нему склоняется, то это уклонение

происходит в силу общей ущербности и причины» (*Profecto si beata res publica proprio defectu in deteriorem labi non potest, et tamen quandoque labitur, communi quodam defectu et causa labitur*).

Фичино подвергает осмеянию то, что Аристотеля в пятой книге «Политики» ищет не общую, а особенную причину (*propriam causam*) изменения блаженного правления в худшую сторону, ведь таковой не существует. Воспроизводя критические аргументы Стагирита, Фичино не использует ни один из существовавших в его время переводов «Политики» Аристотеля, обращаясь непосредственно к древнегреческому тексту и, возможно, к комментарию Донато Аччайоли (1429—1478) [13. Р. 124]. При этом его первостепенной задачей, несомненно, было сохранить авторитет «божественного Платона».

Далее в предисловии Фичино пишет, что общей причиной недуга (*communi causa morbi*), разрушающего блаженное государство (*civitas*), как и в случае с наилучшим и умереннейшим человеком, является гибельный порядок вещей (*fatali ordine*). Он поясняет, что блаженное государство и здоровый человек «в какой-то момент разрушаются, становясь противоположным себе, из-за небесных круговращений, каковые находятся под вечно вращающейся Луной и образованы определенными подобиями сфер и периодами времени» (*per caelestes circuitus quae infra lunam sunt perpetuo revolventem ut quae certis sphaerarum configurationibus temporumque curriculis composita sunt quandoque dissolvantur adversis*). Однако же указание такой причины слишком далеко отстоит от предмета речи Сократа — государства — поэтому он использует прорицание Муз, какое невозможно истолковать без помощи Аполлона-прорицателя (5).

Далее Фичино говорит о том, как трудно понять эти слова Сократа, ссылаясь на авторитет Цицерона, Теона из Смирны и Ямвлиха, и обещает дать их разъяснение в своем комментарии к диалогу «Тимей» [13. Р. 31—35; 8. Р. 667—711]. Он полемически вопрошает, возможно ли, что Платон «представляет Муз, болтающих вздор с трагической напыщенностью и приводящих в ужас юную простую душу, доводящих до замешательства» (*ipse fingat Musas tragica quadam tumiditate nugantes perterrentesque animum puerilem atque simplicem, stuporemque adducentes*)?

В заключение предисловия Фичино пишет, что видит во всем сказанном следующие моральные наставления: «В государстве невозможно одновременно почитать богатства и добродетель» (*Impossibile est divitias honorari in civitate simul atque virtutem*). «Знание — самый надежный защитник от всевозможных ущербностей» (*custos contra omnia vitia tutissimus est scientia*). Последние же, по Фичино, таковы, что крайности одной становятся началом другой, как, например, в случае чрезмерной свободы и рабства, ведь такова природа и вещей, и времен, о чем пишет Платон в своих «Письмах».

Согласно М. Аллану, общий подход Фичино к толкованию иносказательных мест диалогов Платона нельзя назвать вполне последовательным.

С одной стороны, для флорентийца характерно патетическое понимание философии «божественного Платона», так как афинский мудрец был важнейшим звеном в его историософском учении о *prisca teologia* (древней теологии), наиболее полно отражавшем социальные и интеллектуальные амбиции Фичино [2.

С. 371—376]. Так, например, в эпитоме десятой книге диалога «Государства» он пишет: «Полагаю, действительно для немногих некая чудесная и умная сила скрывается в словах Платона» (*Arbitror equidem in Platonis verbis vim quandam latere mirabilem a paucissimis intellectam*). Различные псевдонимы и иные способы обыгрывания античных имен и мифов были весьма распространены в среде гуманистически ориентированных интеллектуалов Возрождения: Фичино настойчиво выстраивает в своем эпистолярном наследии и множестве предисловий и посвящений к своим сочинениям миф о Флорентийской Платоновской Академии, отождествляя себя, однако, в первую очередь не с философами древности, а с Орфеем (в тех же контекстах Кристофоро Ландино называется им Амфионом, а Анджело Полициано — Геркулесом) [10. Р. 101—122]. И все же он относится к этой «игре» много серьезней своих друзей, устраивая, по свидетельствам современников, действительные исполнения так называемых «Орфических гимнов» и иными способами воспроизводя в повседневных практиках то, что в платоновской традиции можно было бы понимать иносказательно [22. Р. 227—242]. Неудивительно, что многие исследователи обвиняли Фичино в неспособности проникнуться философскими идеями во всей их глубине и чистоте и постоянном смешении их с «низовыми» магическими практиками и оккультными верованиями [17. Р. 133; 7. Р. 687—708].

С другой стороны, М. Аллен приводит целый ряд свидетельств, показывающих, что Фичино вполне мог понимать и воспроизводить иронический стиль сочинений Платона и некоторых его последователей средствами латинского языка [5. Р. 417—455]. В эпитоме диалога «Кратил» он пишет, что боги порой разыгрывают нас и шутят, поэтому Платон говорит: «Человек — игрушка и шутка богов» (*Homo iocus est ludusque deorum*) (6). Во введениях к своим переводам диалогов «Критий» и «Федр» Фичино прямо утверждает, что Платон высмеивал тех, кто слишком увлекся аллегорией, скрываясь под маской (*sub persona*) Сократа. Поэтому, излагая мнения авторитетных для него мыслителей, занимавшихся расчетами «брачного числа», Фичино мог не разделять их веру в его судьбоносное значение для жизни общества или же в то, что оно поддается точному вычислению. Соглашаясь с М. Алленом, что Фичино часто варьирует свое отношение к античным учениям, вступающим в прямое противоречие с католической ортодоксией, отметим, что в медико-астрологическом трактате «О жизни» флорентинец говорит о «гибельном числе» для обоснования важности занятий астральной магией [11. Р. 240—241, 329—330, 341].

На наш взгляд, при обращении к теме «брачного числа» в сочинениях разных жанров и годов написания для Фичино важнее показать консистентность и непротиворечивость платонической философии — образованной текстами самого Платона и комментариями к ним — нежели чем предложить собственное учение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Фичино называет этот диалог как «*De Iustitia*» (О справедливости), так и «*De Re Publica*» (Государство).
- (2) Мы будем следовать критическому изданию латинских произведений Фичино в работе: [5]. Там же содержится их обстоятельное исследование.

- (3) Контекст написания и содержание диалога «Государство» изложены [19. Р. 360—383]. Русский перевод данного фрагмента — А.Н. Егунова, в скобках даны соответствующие выражения из латинского перевода греческого текста, сделанного Фичино.
- (4) О связи понятия «habitus» с понятием «ingenius» (ум) — важнейшим в антропологии Фичино см. [5. Р. 87—93].
- (5) На наш взгляд, М.Дж.Б. Аллен ошибочно понимает «praesentis civilisque facultatis» как характеристику Сократа: его знание истинной природы государства.
- (6) Отсылка к диалогу Платона «Законы» (644d-e, 803 с, 804b).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бородай Т.Ю. Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона. М.: Изд. Савин С.А., 2008.
- [2] Иванова Ю.В. Возрождение философии: Марсилио Фичино // История литературы Италии. Т. 2, кн. 1 / Отв. ред. М.Л. Андреев. М.: ИМЛИ РАН, 2007.
- [3] Месяц С.В. Учение Платона об идеях-числах // Космос и душа (Выпуск второй). Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века: исследования и переводы. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
- [4] Allen M.J. B. The Second Ficino-Pico Controversy: Parmenidean Poetry, Eristic and the One // Marsilio Ficino e il ritorno di Platone: Studi e documenti / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze: Olschki, 1986. P. 417—455.
- [5] Allen M.J.B. Nuptial arithmetic: Marsilio Ficino's commentary on the fatal number in Book VIII of Plato's Republic. Los Angeles (CA): University of California Press, 1994.
- [6] Boter G.J. The Textual Tradition of Plato's Republic. Leiden: Brill, 1989.
- [7] Bullard M.M. The Inward Zodiac: A Development in Ficino's Thought on Astrology // Renaissance Quarterly. 1990. Vol. 43, № 4.
- [8] Celenza C.S. Pythagoras in the Renaissance: The Case of Marsilio Ficino // Renaissance Quarterly. 1999. № 52.
- [9] Ehrhardt E. The Word of the Muses (Plato, Rep. 8.546) // The Classical Quarterly. 1986. Vol. 36. № 2.
- [10] Falco R. Marsilio Ficino and Vatic Myth // Modern Language Notes. 2007. Vol. 122. № 1.
- [11] Ficino M. Three books on life: A Critical Edition and Translation with Introduction and Notes / Ed. by Carol V. Kaske and John R. Clark. Tempe; N.Y.: University Press, 1998.
- [12] Fowler D.H. The Mathematics of Plato's Academy: A New Reconstruction. Oxford: Oxford University Press, 1987.
- [13] Hankins J. Plato in the Italian Renaissance. Vol. 1. Leiden; N.Y. etc.: Brill, 1990.
- [14] Immisch O. Philologische Studien zu Plato. Lipsiae, 1903.
- [15] Mayhew R. Aristotle's Criticism of Plato's Republic. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- [16] Monfasani J. Marsilio Ficino and the Plato-Aristotle Controversy // Marsilio Ficino: his theology, his philosophy, his legacy / Ed. by M.J. B Allen etc. Leiden: Brill, 2001.
- [17] Sarton G. The Appreciation of Ancient and Medieval Science During the Renaissance (1450—1600). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1955.
- [18] Schelling F.W.J. «Timaeus» (1794) / Hrsg. von Hartmut Buchner. (Schellingiana 4). Stuttgart — Bad Cannstatt, 1994.
- [19] Scott D. The «Republic» // The Oxford Handbook of Plato. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2008.
- [20] Sheppard A. The Influence of Hermias on Marsilio Ficino's Doctrine of Inspiration // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1980. Vol. 43.
- [21] Tempesta S.M. La tradizione testuale del *Liside* di Platone. Firenze: La Nuova Italia, 1997.
- [22] Voss A. The Musical Magic of Marsilio Ficino // Marsilio Ficino: his theology, his philosophy, his legacy / Ed. by Michael J.B. Allen and Valery Rees with Martin Davies. Leiden: Brill, 2001.

PLATONIC DOCTRINE OF 'NUPTIAL NUMBER' AND ITS RECEPTION BY MARSILIO FICINO

I.G. Guryanov

NRU HSE,
Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities
Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russia, 101000

The article treats the origins and the reception of doctrine of 'nuptial number' reflected throughout the Platonic tradition. It is shown that the most prominent thinker of Florentine Platonism, Marsilio Ficino (1433—1499), using certain exegetic tools conforms this scandalous doctrine to the more conventional Renaissance account about human being at the universe.

Key words: Neo-Platonism, Plato, Marsilio Ficino, *prisca teologia*, nuptial number.

REFERENCES

- [1] Borodaj T.Ju. *Rozhdenie filosofskogo ponjatija. Bog i materija v dialogah Platona*. M.: Izd. Savin S.A., 2008.
- [2] Ivanova Ju.V. *Vozrozhdenie filosofii: Marsilio Fichino // Istorija literatury Italii*. T. 2, kn. 1 / Otv. red. M.L. Andreev. M.: IMLI RAN, 2007.
- [3] Mesjac S.V. *Uchenie Platona ob idejah-chislah // Kosmos i dusha (Vypusk vtoroj). Uchenija o vselennoj i cheloveke v Antichnosti i v Srednie veka: issledovaniya i perevody*. M.: Progress-Tradiciya, 2010.
- [4] Allen M.J.B. *The Second Ficino-Pico Controversy: Parmenidean Poetry, Eristic and the One // Marsilio Ficino e il ritorno di Platone: Studi e documenti / A cura di G.C. Garfagnini*. Firenze: Olschki, 1986. P. 417—455.
- [5] Allen M.J.B. *Nuptial arithmetic: Marsilio Ficino's commentary on the fatal number in Book VIII of Plato's Republic*. Los Angeles (SA): University of California Press, 1994.
- [6] Boter G.J. *The Textual Tradition of Plato's Republic*. Leiden: Brill, 1989.
- [7] Bullard M.M. *The Inward Zodiac: A Development in Ficino's Thought on Astrology // Renaissance Quarterly*. 1990. Vol. 43, № 4.
- [8] Celenza C.S. *Pythagoras in the Renaissance: The Case of Marsilio Ficino // Renaissance Quarterly*. 1999. № 52.
- [9] Ehrhardt E. *The Word of the Muses (Plato, Rep. 8.546) // The Classical Quarterly*. 1986. Vol. 36, № 2.
- [10] Falco R. *Marsilio Ficino and Vatic Myth // Modern Language Notes*. 2007. Vol. 122, № 1.
- [11] Ficino M. *Three books on life: A Critical Edition and Translation with Introduction and Notes / Ed. by Carol V. Kaske and John R. Clark*. Tempe; N.Y.: University Press, 1998.
- [12] Fowler D.H. *The Mathematics of Plato's Academy: A New Reconstruction*. Oxford: Oxford University Press, 1987.
- [13] Hankins J. *Plato in the Italian Renaissance*. Vol. 1. Leiden; N.Y. etc.: Brill, 1990.
- [14] Immisch O. *Philologische Studien zu Piato*. Lipsiae, 1903.
- [15] Mayhew R. *Aristotle's Criticism of Plato's Republic*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- [16] Monfasani J. *Marsilio Ficino and the Plato-Aristotle Controversy // Marsilio Ficino: his theology, his philosophy, his legacy / Ed. by M. J. B Allen etc*. Leiden: Brill, 2001.
- [17] Sarton G. *The Appreciation of Ancient and Medieval Science During the Renaissance (1450—1600)*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1955.
- [18] Schelling F.W.J. *«Timaeus» (1794) / Hrsg. von Hartmut Buchner. (Schellingiana 4)*. Stuttgart — Bad Cannstatt, 1994.

- [19] Scott D. The «Republic» // The Oxford Handbook of Plato. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2008.
- [20] Sheppard A. The Influence of Hermias on Marsilio Ficino's Doctrine of Inspiration // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1980. Vol. 43.
- [21] Tempesta S.M. La tradizione testuale del Liside di Platone. Firenze: La Nuova Italia, 1997.
- [22] Voss A. The Musical Magic of Marsilio Ficino // Marsilio Ficino: his theology, his philosophy, his legacy / Ed. by Michael J.B. Allen and Valery Rees with Martin Davies. Leiden: Brill, 2001.